

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

12

тм

П.В. Лизунов — Первое Российское страховое от огня общество.....	79
О.Ю. Кутаев — Кризис 1929 г. и германский национал-социализм.....	92
С.В. Мельникова — Революционная элита и «республиканский» образ в Ирландии в 1917—1919 гг.	109

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

М.А. Давыдов — Статистика и политика	122
---	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

М.Ю. Половникова — Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX — начале XX в.....	141
Т.Х. Алоев — Особенности военного противостояния на Кубанской линии в 1832—1833 гг.....	146
А.В. Семёнова — Московское купечество в Отечественной войне 1812 г.....	151
Ю.В. Селезнёв — Половецкий «князь» Кончак	156

ИСТОРИОГРАФИЯ

М.Е. Ерин, А.М. Ермаков — Австрийский взгляд на советскую оккупацию 1945—1955 гг.....	164
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2012 году	171

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Статистика и политика

М.А. Давыдов

В последние годы в российской историографии развернулась дискуссия об уровне жизни и потребления населения в дореволюционной России. В конечном счете она связана с проблемой модернизации и причинами русских революций начала XX века.

Существуют два основных подхода к интерпретации причин российских революций. Первый — негативистский, пессимистический, который объясняет революцию аграрным кризисом и обнищанием населения после 1861 года. Второй подход можно назвать позитивным, оптимистическим. Согласно ему, великие реформы дали стране мощный импульс для успешного развития, значительно усиленный затем «модернизацией Витте-Столыпина», а также принятием в 1905 г. конституции. Однако неизвестный дотоле человечеству масштаб первой мировой войны и вызванные ею трудности стали главной причиной русской революции 1917 года.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы ввести в научный оборот новые статистические данные, характеризующие, с одной стороны, развитие народного хозяйства во время модернизации, а, с другой, показать динамику уровня потребления населения России в конце XIX — начале XX в. и оценить в свете новых источников некоторые из постулатов традиционной историографии.

Автором были проанализированы 128 динамических рядов, включающих, во-первых, данные о размерах урожаев и экспорта хлеба, во-вторых, стоимости всего хлебного вывоза, величине питейного дохода, акцизных доходов с сахара, табака, нефтепродуктов, спичек, и, в-третьих, о перевозке 108 народнохозяйственных и потребительских товаров за 1894-1913 гг., содержащиеся в «Сводной статистике перевозок по русским железным дорогам» и тарифной статистике Министерства финансов. Транспортировка грузов отражает динамику как промышленного и сельскохозяйственного производства, так и потребления населения.

«Перевозки — необходимое завершение производства; когда они ускорялись, все шло хорошо или улучшалось» — писал Ф. Бродель¹. Это особенно касается России в силу ее огромной территории.

Транспортировка товаров по стране — одна из основных форм, в которых материализовывалось функционирование громадного народнохозяйственного организма, тысячи торговых контактов, происходивших на пространстве от Владивостока до Варшавы и Одессы, от Петербурга и Архангельска до Баку и Ферганы.

Поэтому железнодорожные перевозки — это весьма важный и четкий показатель уровня развития народного хозяйства, по которому можно судить о динамике

Давыдов Михаил Абрамович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

развитии промышленности и торговли, а также о степени товарности сельского хозяйства, о развитии рынка в целом и, соответственно, о динамике покупательной способности населения.

Поскольку 1894-1913 гг. охватывают основную часть промышленного подъема 1890-х и 1894-1900 гг., период кризиса и депрессии 1901-1908 гг., а также предвоенный подъем 1909-1913 гг., то необходимо сравнение средних арифметических показателей по каждому из этих периодов.

Был также проведен корреляционный анализ всех 135-ти динамических рядов (за вычетом трендов, то есть остатков).

В таблице приводятся лишь некоторые из важнейших продуктов и их групп.

ТОВАРЫ И ГРУЗЫ	Тренд 1894- 1913	Среднее 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913	1894- 1900 за 100%	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913
Все товары и грузы по железной дороге	257295	3204614	4609171	6716984	100	143,8	209,6
Каменный уголь, антрацит	58218	529640	892608	1331673	100	168,5	251,4
Строительные материалы (сырые и изделия)	21243	271934	329703	582604	100	121,2	214,2
Лесные строительные материалы	24040	250253	362394	610820	100	144,8	244,1
Железо, сталь, чугун	9860	96052	149807	232942	100	156,0	242,5
Сельскохозяйственные машины	1468	5761	13411	27668	100	232,8	480,3
Машины, кроме сельскохозяйственных	986	11032	12984	24292	100	117,6	220,2
Продукция химической промышленности	2019	22717	35757	52303	100	157,4	230,2
Сахарные грузы	4601	57108	87058	123735	100	152,4	216,7
Ткани	1161	32236	39012	49403	100	121,0	153,3
Платье готовое и белье	128	1484	2369	3358	100	159,7	226,3
Пиво	1441	9104	17919	29065	100	196,8	319,3
Водка, ликеры и др. крепкие напитки	179	5847	7423	8390	100	126,9	143,5
Табак	453	8638	12317	14983	100	142,6	173,5
Стекло и стекл. изделия, хрусталь	1275	12555	21004	30849	100	167,3	245,7
Книги	125	787	1872	2499	100	237,7	317,3
Хлебный экспорт (тыс.руб.)*	20940	384130	492360	746788	100	128,2	194,4
Свежие овощи	10571	55163	124191	210016	100	225,1	380,7
Свежие фрукты, плоды, ягоды	1137	10343	17337	26594	100	167,6	257,1
Рыбные грузы	2043	28190	40678	57876	100	144,3	205,3
Мясо, битая птица и дичь	687	9342	14021	18947	100	150,1	202,8
Молочные продукты	1027	5204	11438	19004	100	219,8	365,2
Яйца и желтки яичные	588	7715	12045	15522	100	156,1	201,2
Питейный доход (тыс.руб.)	35141	358262	627697	845458	100	175,2	236,0
Сахарный доход (тыс.руб.)	5089	53760	86255	126872	100	160,4	236,0

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып.52. СПб. 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып.54. СПб. 1915; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 189.. года. СПб. Подсчеты автора

*— Мука пересчитана в зерно, исходя из норм того времени: для ржи выход муки принимается за 90%, для пшеницы — 75%.

Для характеристики поступательного развития народного хозяйства в конце XIX — начале XX в. принципиально важен тот факт, что общая перевозка всех грузов, кроме поштучных, по русским железным дорогам выросла с 2593542 в 1894 г. до 7984459 тыс.пуд. в 1913 г., то есть в 3,1 раза, в то время как длина железнодорожной сети увеличилась с 32673 км в 1894 до 69179 км в 1913 г., то есть в 2, 1 раза.² Средний ежегодный прирост транспортировки всех грузов, кроме поштучных, по русским железным дорогам в 1894-1913 гг. составил 257,3 млн пудов. При этом в сравнении с 1894-1900 гг. среднегодовая перевозка всех грузов выросла в 1901 — 1908 гг. на 43,8%, а в 1909-1913 г. — соответственно, более чем в два раза (на 109,6%).

Из таблицы виден значительный рост перевозок подавляющего большинства товаров, что свидетельствует о позитивной динамике и отраслей группы А, произво-

дящих средства производства, и отраслей группы Б, выпускающих предметы потребления, а также сельского хозяйства и обрабатывающей сельскохозяйственной промышленности. Исключение составляет кризис в нефтяной промышленности.

Из 128 трендов отрицательную величину имеют экспорт ржи, экспорт овса и перевозки керосина. Остальные 125 динамических рядов имеют отчетливо выраженную положительную тенденцию.

Перевозки являются своего рода рентгеновским снимком экономики, поэтому приводимые данные не могут характеризовать экономику страны, находящуюся в упадке.

В той мере, в какой железнодорожные перевозки являются отражением состояния промышленности и торговли, представленные данные свидетельствуют о значительном прогрессе народного хозяйства России в 1894-1913 годах.

За исключением нефтяной, все отрасли народного хозяйства страны развивались весьма интенсивно. Это касается как отраслей группы А, так и отраслей группы Б и сельскохозяйственного производства (в том числе и технических культур), а также сельскохозяйственной обрабатывающей промышленности.

Статистика говорит не только о росте производства, но и об увеличении потребления, так как перевозки потребительских и продовольственных товаров неуклонно развивались. При этом кризис и депрессия затронули не все сферы экономики в равной степени. Для большинства товаров показатели перевозок в 1901-1908 гг. превышают показатели 1894-1900 гг. на 40-50% и более.

Не подлежит сомнению, что предвоенный промышленный подъем был тесно связан со Столыпинской аграрной реформой, устойчивое мнение о «провале» которой абсолютно несостоятельно.

С реформой П.А. Столыпина прямо связан и огромный рост перевозок сельскохозяйственных машин и орудий. Это — едва ли не самый точный показатель финансовых возможностей крестьянства. В 1894 г. они составили 5463 тыс. пуд., в 1902 г. - 10600 тыс., в 1905 - 12811 тыс., в 1909 г. - 21461 тыс., в 1913 г. - 34517 тыс. пудов.

Начавшийся, благодаря реформе, переворот в процессе механизации русского сельского хозяйства вполне отражает следующий факт. В 1906 г. Северные, Приозерные, Приуральские, Прибалтийские, Литовские, Белорусские, Центрально-Промышленные, Центрально-Черноземные и Средне-Волжские губернии, то есть 34 губернии, охватывавшие северные две трети Европейской России, получили по железной дороге в сумме практически столько же сельхозтехники, сколько Херсонская и Екатеринославская — 1929,0 тыс. пуд. против 1925,3. В 1913 г. ситуация, хотя продолжала оставаться как бы не вполне нормальной, но уже начала изменяться, о чем говорит тот факт, что 34 губернии вместе взятые получили 7095,7 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, а две Новороссийские — 2976,9 тыс. пуд. соответственно, то есть в 2,4 раза больше. В России начиналась агротехнологическая революция.

Об этом же свидетельствует и рост перевозок продукции сельскохозяйственного сектора, который также связан с развертыванием аграрной реформы. Например, огромное увеличение перевозок молочных продуктов в 1909-1913 гг. (в 1,7 раза в сравнении с 1901-1908 гг.) и крахмала (в 1,5 раза соответственно) не может не отражать бурный рост кооперативного движения в этих отраслях сельского хозяйства с началом преобразований и т.д.

Реформа, радикально расширявшая внутренний рынок, воздействовала на жизнь страны и на экономику многообразно. Так, в 1909-1911 гг. Сибирь получала 7-8% общероссийских перевозок металлической посуды, инструментов и других предметов хозяйственного обихода против 2-4% в 1902-1903 гг., что вполне сочетается с образцом динамично осваиваемого региона, в котором ежегодно десятки тысяч семей начинали новую жизнь. Число таких примеров легко умножить.

Полученные высокие коэффициенты корреляции (порядка 0,8-0,95) между перевозками промышленных, потребительских и продовольственных товаров, с одной стороны, а также акцизными доходами, с другой, свидетельствуют о позитивном, восходящем направлении вектора общего развития и экономики страны в целом, а также о росте покупательной способности населения страны и о том, что его потребности расширялись.

Еще в начале 2000-х гг. автор пришел к заключению о несостоятельности одного из главных постулатов традиционной историографии — тезиса о «ГОЛОДНОМ экспорте» хлеба из России, согласно которому вывоз хлеба осуществлялся за счет недоедания крестьянства.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Пшеница и ячмень в рассматриваемый период составляли от 60 до 72% всего хлебного экспорта, поэтому вывоз хлеба из России — это, в первую очередь, вывоз пшеницы и ячменя, специально производившихся на экспорт в Новороссии и Предкавказье. Этот же регион поставлял также и основную часть вывозимой ржи. Сравнительный анализ динамики сбора и экспорта главных хлебных культур в конце XIX — начале XX в. показал, что урожаи ржи, овса, пшеницы и ячменя продолжали расти, хотя доля экспорта от валовых сборов всех главных хлебных культур, кроме ячменя, уменьшалась, причем, иногда и в абсолютном выражении. Вывоз ячменя стабильно возрастал как в абсолютной, так и в относительной величине и в 1911 — 1913 гг. обогнал пшеницу.

Экспорт хлеба из России в то время увеличивался прежде всего за счет семи губерний и областей степной полосы, которые давали в сумме примерно 4/5 прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов. Данные о производстве, экспорте и транспортировке главных хлебных культур позволяют уверенно говорить о значительном возрастании объема внутреннего хлебного рынка, о постепенном падении роли внешних закупок, а также о том, что тезис о «голодном экспорте» хлеба из России подтверждения в этой статистике не находит.

В 1894-1913 гг. среднегодовые приросты экспорта ржи и овса имели отрицательную величину: соответственно минус 2742 и 193 тыс. пудов. Среднегодовой прирост экспорта пшеницы в 2805 тыс. пуд. составлял лишь 9,5% прироста урожая. И только прирост вывоза ячменя (7854 тыс. пуд.) — главной экспортной культуры, не слишком популярной на большей части Европейской России, составлял 45,7% прироста сборов³.

Стоит отметить, что связь между урожаями ржи и овса и их экспортом практически отсутствует — коэффициент корреляции равен 0,13 и 0,05. Невелика и связь урожаев ржи и овса с железнодорожными перевозками, то есть степень товарности серых хлебов явно не стоит преувеличивать, поскольку в массе они, конечно, потреблялись на месте⁴. Не очень заметна связь урожая и экспорта для пшеницы (0,48) и действительно значима она для ориентированного на экспорт ячменя (0,88). Товарность же красных хлебов была высокой (0,86 для пшеницы и 0,92 для ячменя). Об этом говорит и достаточно тесная связь их урожаев с питейным и остальными акцизными сборами (0,74 и 0,89), а равным образом и с перевозками подавляющего большинства грузов.

Мифологический характер тезиса о «голодном экспорте» доказывает и то, что в 1894-1899 гг. питейный доход составлял порядка 80-95% стоимости хлебного экспорта, а в 1900-1913 гг. лишь дважды цена вывезенного хлеба несколько превысила цену выпитой населением водки. При этом средний ежегодный прирост стоимости вывоза хлеба составил за предвоенное 20-летие 20,9 млн. руб., а питейного дохода — 35,1 млн руб., то есть в 1,7 раз больше.

Традиционно считается, что российское крестьянство платило слишком большие прямые налоги и выкупные платежи, что серьезно ухудшало его материальное положение. В доказательство этого обычно приводятся два аргумента. Первый — это постоянный рост крестьянских недоимок, второй — так называемые вынужденные осенние продажи хлеба. Попробуем разобраться и в этом.

Как известно, после 1855 г. в налоговой стратегии правительства происходили важные изменения. Значительно упало значение прямых налогов в бюджете вообще, центр тяжести был перенесен на косвенное налогообложение, усилилось обложение имущих классов. Александр III в 1880-х гг. уменьшил выкупные платежи, а затем отменил подушную подать и соляной налог. Все это в совокупности резко уменьшило крестьянские выплаты⁵.

Однако недоимки продолжали расти, и оппозиция настаивала на том, что это «служит ясным доказательством непосильности для населения лежащего на нем податного бремени...»⁶.

Между тем причины парадоксальной ситуации, когда, несмотря на значительное уменьшение налогового бремени, и, невзирая на экономическую конъюнктуру,

недоимки продолжали расти, причем, чем меньше становился размер платежей, тем хуже шло их поступление в казну, лежали в совершенно иной плоскости. Однако обратимся к статистике.

Анализ структуры окладов и недоимок как по всем окладным сборам, так и по выкупным платежам для каждой из категорий крестьян по 50 губерниям Европейской России за 1897-1901 гг. (из них 1897, 1900 и 1901 гг. в ряде губерний были неурожайными) привел к следующим выводам.

Всего в 1897 г. окладные платежи с 50 губерний составили 113488 тыс. руб., из которых 96731 тыс. приходилось на выкупные платежи, причем 54,6% этой суммы падало на бывших государственных крестьян, 42,4% — на бывших помещичьих и 3,1% — на бывших удельных (далее эпитет «бывшие» из стилистических соображений не повторяется). На 1 января 1898 г. недоимки по всем окладным платежам равнялись 106133 тыс. руб., а по выкупным платежам — 103707 тыс. руб.; 63,2% недоимок падало на государственных, 33,3% — на помещичьих и 3,5% — на удельных крестьян.

При этом 18 общинных губерний с недоимками свыше 1 млн руб. в каждой — Казанская, Самарская, Воронежская, Нижегородская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Тульская, Московская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Оренбургская, Пермская, Курская, Уфимская, Харьковская и Псковская — на которые падало 49,3% всех окладных платежей и 51,3% выкупных платежей, сконцентрировали 93,9% и 95,1% недоимок по ним — 99645 тыс. руб. и 98654 тыс. руб. соответственно ⁷. Свыше половины указанной задолженности 50-и губерний сосредоточили первые шесть из перечисленных губерний. Картина 1897 г. — типична для этого времени и в другие годы лишь слегка варьируется.

Чрезвычайно характерно, что все эти губернии кроме Московской и Харьковской получили также 430,3 млн руб., то есть 88,1% правительственных ассигнований на продовольственную помощь за 1891-1908 года ⁸. Несмотря на частые и щедрые списания долгов, на эти же 16 губерний падало 80,3% (167 млн руб.) из задолженности населения в продовольственные капиталы на 1 января 1912 г., равной 208,1 млн рублей ⁹.

Симптом вполне очевидный, и правоту общинного «диагноза» убедительно подтверждает наличие в списке должников по выкупным платежам Московской губернии. Это своего рода сюрприз. Ведь она ни разу не просила продовольственной помощи. Сама по себе мысль о том, что крестьяне столичной губернии, имевшие уникальные возможности для заработка в крупнейшем городе страны, могут нуждаться, кажется чересчур оригинальной.

Причины этого явления указал П.П. Дюшен, исследовавший положение крестьянства Бронницкого уезда и показавший прямую связь между упадком крестьянских хозяйств Подмосковья и господством общины, а также указавший на то, что «всюду замечаемое нравственное одичание крестьян несомненно происходит от разлагающего влияния мирских порядков. Подчиняясь роковой власти, крестьянин внутри своей души не может не признать безобразный мирской приговор правильным и, сознавая свою беспомощность, начинает верить в господство зла. Безнравственное влияние мира отражается и на семейных отношениях крестьян: случаи самого недостойного поведения детей по отношению к своим родителям составляют, обычное явление в деревне» ¹⁰.

Пример Московской губернии служит лучшим доказательством того, что недоимки не являются свидетельством нужды и что между размерами податей, объемом долгов и экономическими условиями, в которых находятся крестьяне разных губерний, связи нет. Причины задолженности московских (и не только) крестьян надо искать в общине, а не в таких внешних признаках их жизни, как размеры наделов, выкупных платежей и т.д.

Таким образом, крестьяне только 18 губерний, а не всей России, стабильно имели недоимки. Однако и в этих губерниях были уезды, платившие исправно. Аналогичный анализ по всем 187 уездам, входившим в состав указанных губерний ¹¹ показал, что и между уездами одной и той же губернии долги распределялись далеко не равномерно — были уезды, совсем не имевшие задолженности, и уезды с большими долгами (10% и более для конкретной губернии). В итоге оказалось, что на 71 уезд с суммарным

окладом в 25075 тыс. руб., то есть 22,1 % оклада 50 губерний пришлось 73940 тыс. руб. или 69,7% всех недоимок по окладным сборам неурожайного 1897 г. и 84554 тыс. руб., или 67,6% суммы недоимок в 50 губерниях также неурожайного 1901 года.

71 уезд - это лишь 14,2 % всех уездов 50 европейских губерний. Намного ближе к истине утверждение, что крестьянская задолженность была велика в каждом седьмом уезде Европейской России, нежели «почти» в каждой третьей ее губернии, и уж тем более у крестьян всей страны.

Сказанное позволяет разглядеть некорректность обращения народников со статистикой при обсуждении положения крестьян. Им нужно было доказать, что все крестьянство России угнетено платежами, о-чем якобы говорят растущие недоимки. Однако недоимки фиксируются лишь в 18 губерниях из 50, и притом самых дорогих их сердцу — общинных. Поэтому они без лишних душевных терзаний вводят, условно говоря, «круговую поруку» и делают крестьян остальных губерний Европейской России ответственными за неплатежи общинников, не боясь, что их поймут за руку.

А теперь обратимся к вопросу о том, почему увеличивались недоимки в общинных губерниях.

В сущности, приведенные выше расчеты лишь иллюстрируют следующее мнение Н.К. Бржеского: «Рассматривая данные о податной задолженности крестьянского населения в любом из уездов Европейской России, невольно поражаешься значительными колебаниями размера недоимочности по волостям и отдельным сельским обществам в пределах одной и той же волости, находящимся в заведомо одинаковых хозяйственных условиях. Сплошь и рядом встречаются селения, не только не обремененные недоимками, но даже совершенно от них свободные, наряду с такими, задолженность которых достигает 5,6 и даже более годовых окладов, причем напрасно было бы на почве экономических условий искать разгадку этого явления.

Нередки случаи, когда в одном сельском обществе крестьяне пользуются значительным достатком, имеют хорошие наделы или прибыльные заработки на стороне, и тем не менее недоимка в этом обществе достигает значительных размеров, а крестьяне другого общества с трудом перебиваются на неурожайной земле, имеют малые наделы, не ходят в отхожие заработки и, однако, исправно выполняют свои податные обязанности перед правительством. Указанные явления настолько заурядны и общеизвестны, что нет даже надобности иллюстрировать их подходящими примерами.

Действительно, при существующей постановке податного дела в сельских обществах недоимочность отнюдь не служит доказательством хозяйственного слабосилия плательщиков, а исправное пополнение оклада и отсутствие податной задолженности вовсе не свидетельствует о хозяйственном достатке крестьян и соразмерности платежей с доходностью надела»¹².

Это мнение, разительно противоречащее выводам всей оппозиционной литературы, делает вопрос о причинах недоимок еще более интригующим.

Несомненно, что нормальному ходу податного дела в России препятствовали некоторые объективные трудности, связанные со спецификой расселения крестьян в разных регионах и размерами волостей: чем многочисленнее селения и больше территория волости, тем труднее было собирать в них подати.

Однако коренная причина неблагоприятной ситуации в податном деле заключалась в несовершенстве крестьянского податного законодательства¹³, то есть в самой системе сбора податей, построенной на круговой поруке. Эта система в конкретных условиях развития пореформенной общины оказалась порочной, потому что стимулировала проявление сходами худших качеств «управляемой» охлократии и потому, что хорошие работники часто должны были платить за лодырей и пьяниц.

Безусловно, в отдельных случаях недоимки отражали факт хозяйственной слабости крестьян. Однако в подавляющем большинстве случаев природа недоимок была другой.

Сельские общества и должностные лица крестьянского управления оказались совершенно не готовы к ведению правильной податной деятельности.

К сожалению, в 1861 г. «общинный романтизм» не позволил реформаторам понять, что создаваемое ими крестьянское самоуправление и те способы, какими они

надеялись обеспечить исправное поступление в казну крестьянских платежей, мало соответствовали интеллектуальному и правовому развитию миллионов вчерашних крепостных. Сходы стали органами «управляемой» охлократии.

Круговая порука привела, в частности, к тому, что «население отвыкло от правильного отбывания лежащих на нем податных обязанностей. Подати перестали уплачиваться своевременно. Даже наиболее состоятельные домохозяева приучились оттягивать платежи до последней возможности и из опасения, что всякая предварительная и своевременная очистка оклада может навлечь на них последующее взыскание в силу круговой ответственности, вносили подать не иначе, как по настоятельному требованию властей.

Недоимка стала явлением обычным, сделалась как бы неотъемлемою принадлежностью крестьянского податного дела. В большинстве случаев она вовсе не знаменует собою расстройства платежных сил населения и, по удостоверению земских исследователей народного быта, не находится в строгом и правильном соответствии ни с размерами обеспечения крестьян надельною землею, ни со степенью обременения их платежами»¹⁴.

При этом задолженность богатых крестьян и должностных лиц крестьянского управления была «явлением повсеместным и притом весьма распространенным».

Таким образом, недоимки — вовсе не доказательство упадка крестьянских хозяйств даже в общинной части России. Это свидетельство несовершенства и несправедливости существовавшей системы взимания податей, основанной на круговой поруке, которой крестьяне пытались сопротивляться, как могли.

При этом в проблеме крестьянских долгов есть один чрезвычайно важный аспект. В течение XVIII-XIX вв. население России привыкло к тому, что правительство часто прощает долги. Вполне естественно, что у миллионов крестьян такие действия власти сформировали вполне определенное отношение к проблеме налогов — они не всегда торопились платить. Долги по продовольственной помощи были больше долгов по выкупным платежам, но правительство, тем не менее, их списывало в объеме сотен миллионов рублей, как не раз делало это, хотя и в меньшем объеме, и в предыдущие годы. Надежда на это была вполне понятной и, как известно, в 1905 г. оправдалась — с 1907 г. выкупные платежи были отменены.

Помимо роста недоимок, стандартным доказательством тяжелого положения крестьян являются так называемые вынужденные осенние продажи крестьянами хлеба собранного урожая. Вынужденными они считаются потому, что весной крестьяне нередко должны были покупать хлеб по более высокой цене.

У традиционной историографии есть один вариант объяснения этого феномена — крестьянам были нужны деньги для уплаты «непосильных» налогов и выкупных платежей. Действительно иногда дело обстояло именно так.

Однако палитра осенней жизни подавляющего большинства крестьян отнюдь не исчерпывалась платежом податей. Прежде всего, октябрь-ноябрь и январь-февраль — это месяцы, когда заключалось наибольшее количество браков¹⁵. У крестьян были различные материальные потребности. Желая получить деньги для новых покупок, они продавали полученную в своем хозяйстве продукцию на рынке, даже если им потом приходилось переплачивать несколько копеек за хлеб. Таким образом, идея «вынужденных осенних продаж» как индекса крестьянской нужды применительно к подавляющему большинству крестьян также не выдерживает критики.

Правительство стремилось к снижению налогового бремени, которое лежало на крестьянах, желая найти оптимальный вариант выплаты населением окладных сборов. По Манифестам 1880 и 1883 г. власть сняла с населения 47 млн руб. недоимок, затем уменьшила выкупные платежи, отменила подушную подать и соляной налог. С 1890-х гг. началось сложение и продовольственных долгов на сотни миллионов рублей.

В 1892-1893 гг. Александр III списал с населения до 52 млн руб. лежавших на нем долгов¹⁶. В ноябре 1894 г. по случаю свадьбы Николая II с населения было списано еще около 50 млн руб. продовольственных долгов¹⁷. Кроме того, принимались и другие меры, облегчавшие положение нуждающихся¹⁸.

Всего за 1891-1900 гг. правительство отпустило на поддержку населения в годы неурожая 232 млн руб., из которых 211 млн (90,9%) подлежали возврату. На деле же население вернуло лишь около 19 млн руб., а большую часть долгов власть аннулировала¹⁹.

При этом бюджет страны составлял порядка 1440 млн рублей²⁰. Понятно, каким тяжелым бременем ложились на Казначейство продовольственные расходы. Тем не менее, государство продолжало эту политику.

Крещение цесаревича Алексея стало поводом для новых и воистину царских милостей подданным. В частности, со всех крестьян манифест слагал недоимки по выкупным, земским и другим сборам, накопившимся на день его издания. Очень серьезное облегчение — даже в сравнении с предыдущими актами — вновь получили крестьяне, пострадавшие в прежние годы от неурожая²¹. С губерний, имевших наибольшую задолженность, слагалось две трети, а с остальных — половина продовольственных долгов, причем со всех должников, без различия их состоятельности. Кроме того, полностью освобождались от них те семьи, члены которых были призваны из запаса в действующую армию и во флот во время войны с Японией. В сумме речь шла, как минимум, о 73 млн рублей.

Для рассматриваемой темы большой интерес представляет динамика сбережений населения.

«Крепостное право не учило людей делать сбережения. Пример мы можем видеть в собственном отечестве. Рабовладельческое хозяйство... не могло развить привычки к сбережениям ни в помещиках, ни в крестьянах.

Поэтому, при разрешении крепостной связи, ни те, ни другие не в состоянии были справиться со своею новою экономическою задачей. Значительная часть помещиков разорилась вследствие неумения сделать правильный хозяйственный расчет и приспособить свой быт к изменившимся условиям.

То же самое следует сказать и о крестьянах. Несправедливо, что тяжести, возложенные на них Положением о Выкупе, были так велики, что они не в силах были их нести. Возложенные на них тяжести были несравненно меньше тех повинностей, которые были с них сняты. Свободным заработком легко было их покрыть. В этом отношении первые годы после освобождения были особенно благоприятны...

Но полученные избытки не сохранялись на черный день, а тратились на разгул, который принял самые широкие размеры, и когда наступили более трудные времена, сбережений не оказалось никаких. Даже и при нынешних условиях, возможность для крестьян делать сбережения доказывается теми суммами, которые тратятся на водку и которые составляют лишь ничтожную часть потерь и ущерба, наносимого хозяйству привычкою к пьянству. Она доказывается и теми крупными издержками, которые, в силу обычая, делаются на свадьбы и которые ведут к разорению семейств на многие годы. Иногда в одном и том же селе оказывается, что все раскольники живут богато, а все православные в бедности.

Однако и среди православных встречаются, в особенности небольшие, деревни, где крестьяне, смиренные и работающие, пользуются довольством и исправно уплачивают все подати. Но вообще, у крестьян, так же как у помещиков, в силу привычек, укоренившихся при крепостном праве, все лишние деньги уходят сквозь пальцы»²², — пишет Б.Н. Чичерин в «Курсе государственной науки».

Данные за 1897 г. прекрасно иллюстрируют приведенное мнение. В стране с населением 126,4 млн чел. насчитывалось 2,3 млн сберкнижек, на которых хранилось 412 млн руб. (28,3% бюджета Империи в 1458 млн руб.)²³. Если считать, что на семью приходилась одна книжка, а средняя численность семьи составляла примерно 6 человек²⁴, то, следовательно, сберкнижки были в 9-10% семей. При этом крестьяне, составлявшие не менее 80 % жителей России, обладали лишь 430 тыс. сберкнижек с 77 млн руб. (примерно 2,5 % семей) и занимали вторую позицию после лиц свободных профессий ("прочие занятия"). А фабрично-заводские рабочие и солдаты, хотя и имели в сумме на 27,1 тыс. (15,6%) сберкнижек больше, чем лица духовного звания, офицеры и помещики вместе взятые (201,5 тыс. против 174,4 тыс.), но хранили на них на 28 млн руб. меньше вкладов (23,4 млн руб. против 51,4 млн).

Данные за 1913 г. фиксируют ситуацию, которая куда больше соответствует бурной модернизации, переживавшейся страной в предвоенную четверть века. На 170 млн жителей России приходилось 8,6 млн книжек. Другими словами, по тому же расчету, порядка 30% семей хранили в сберегательных кассах 1550 млн рублей. Эта сумма составляла 45,3% бюджета Империи в 3420 млн руб.²⁵ и в 3,6 раза превосходи-

ла стоимость «Большой флотской программы», которая к 1930 г. должна была сделать Россию державой, обладающей флотом мирового уровня.

Из примерно 20 млн крестьянских дворов более чем в 2,5 млн были сберкнижки (примерно у 12,5%). Пролетарии и нижние чины в совокупности владели в 2,4 раза большим количеством книжек, чем священнослужители, офицеры и землевладельцы (792,7 тыс. против 326,8 тыс.) и держали на них на 10,3% больше денег.

За 1897-1913 гг. больше других преуспели жители деревни (2,1 млн. новых книжек с 402,6 млн руб.), частные служащие, представители бизнеса (1,1 млн новых книжек с 207,0 млн руб.) и городские ремесленники, кустари (865 тыс. новых книжек со 140,8 млн рублей). В сумме на эти три «рода занятий» пришлось 64,3% прироста книжек и 66,0% прироста вкладов.

Соответственно заметно изменился удельный вес отдельных социальных слоев российского общества. Доля крестьян увеличилась с 18,9 до 29,6% по числу книжек и с 18,8 до 31,0% по сумме вкладов, доля представителей частного сектора — с 9,3 до 15,1% по количеству книжек и с 9,6 до 15,9% по сумме сбережений, ремесленников — с 11,3 до 13,0% по числу книжек и с 9,4 до 11,6% по размерам вкладов, фабрично-заводских рабочих и шахтеров — с 4,4 до 5,3% по количеству книжек и с 3,3 до 4,7% по сумме вкладов. Это важный показатель успеха модернизации.

За 1897-1913 гг. структура сбережений в стране серьезно изменилась, в первую очередь за счет значительного — с 33,8 до 40,0% роста доли книжек с мелкими вкладами (до 25 руб.) и в целом по России, и во всех социальных слоях. Лишь у сельских жителей этот рост составил 1%, а у всех остальных он колебался в диапазоне 4,2-10,3%, притом у нижних чинов даже достигал 21,4%.

В 1913 г. у самых состоятельных вкладчиков во всех слоях населения денег стало больше, чем в 1897 году. Но одновременно в процесс сбережения доходов было вовлечено намного больше людей, которым было, что хранить на книжках.

В 1913, как и в 1897 г., наиболее состоятельными группами населения оставались духовенство, помещики, офицеры, но разрыв между ними и остальными группами сократился.

В 1897 г. по величине вкладов крестьяне занимали 8-ю позицию из 12, а в 1913 г. — 6-ю, обогнав гражданских служащих и лиц свободных профессий.

Нельзя обойти вниманием и гендерный аспект рассматриваемой проблемы. Статистика сберегательных касс убедительно показывает, что доля сберкнижек, принадлежащих женщинам, и их вкладов растет для всех социальных категорий, кроме представителей лиц духовного звания, офицеров и нижних чинов.

В контексте рассматриваемой темы заслуживают внимания данные еще одного не вполне традиционного источника — статистики пассажирского движения по железным дорогам. До введения с 1 декабря 1894 г. нового общего тарифа пассажирское движение в целом развивалось менее успешно, чем грузовое. Дело не только в финансовых показателях (перевозки пассажиров априори малодоходны в сравнении с грузовыми). Достаточно сказать, что свыше 50% всех пассажиров ездили не далее, чем на 50 верст, а около 94% — на 300 верст (ровно от Москвы до Орла). То есть, несмотря на огромные пространства России, только 6% всех пассажиров путешествовали на расстояния, превышающие 300 верст, причем две трети от этого числа приходилось на расстояние от 300 до 600 верст, а на все остальные расстояния приходилось лишь около 2% пассажиров²⁶.

Основной причиной медленного роста перевозок пассажиров (и притом на коротких расстояниях), а также постепенного понижения и без того незначительных размеров среднего проезда и средней выручки была конструкция общего пассажирского тарифа, при котором пассажир платил за поездку по одинаковой ставке вне зависимости от расстояния. С 1879 г. к провозной плате прибавлялся государственный сбор в размере 25% нормальной платы для I и II классов и 15% для III класса.

Между тем масштабы России и потребности ее модернизации настоятельно диктовали необходимость облегчения условий перевозок пассажиров на средних и дальних расстояниях. В основе реформы пассажирского движения лежала идея удешевления стоимости проезда с целью привлечения максимально возможного числа клиентов. Как и другие тарифные реформы С.Ю. Витте, она исходила из идеи дифференциального тарифа, при котором стоимость проезда постепенно понижалась по

мере увеличения расстояния. Статистика показывала, что при старом тарифе даже на расстояниях от 200 до 300 верст начиналось сильное сокращение численности пассажиров. В этой связи было решено удешевить проезд уже на этих пробегах.

Понижение ставок начиналось со 160 верст. Новый тариф было решено построить так, чтобы на протяжении 600 верст (Петербург — Москва) понизить его до уровня старого тарифа Николаевской железной дороги, который действовал до 1873 г. и для III класса составлял 6 руб., а на дальнейших расстояниях, начиная с 1000 верст, достичь понижения действовавшего тарифа примерно в два раза²⁷. Особенность нового тарифа состояла также и в том, что теперь государственный сбор, установленный в одинаковом размере 15% для всех трех классов, включался в провозные платы.

Необходимо отметить, что если раньше для двух первых классов цена детского билета составляла половину взрослого билета, то с этого времени — четверть, причем для всех трех классов.

Новый общий тариф был введен с 1 декабря 1894 г., и уже в 1895 г. среднее динамическое расстояние проезда по российским железным дорогам увеличилось со 105 до 158 верст²⁸, то есть в полтора раза.

Однако реформа на этом не заканчивалась. В целях оживления сообщений не только губернских, но и многих уездных городов с их окрестностями с 1895 г. начали вводиться многочисленные особые пониженные пригородные тарифы (трех классов), дававшие пассажирам широкий спектр выбора вариантов льготного проезда. К концу 1901 г. пригородные тарифы действовали в районе 82 городов²⁹. За 1895-1913 гг. число пригородных поездок выросло с 7,3 до 72,5 млн³⁰, что свидетельствовало не только о росте числа дачников, но и об облегчении передвижения многих десятков тысяч крестьян, работавших в близлежащих городах.

Были упорядочены и стали дешевле перевозки по пассажирскому тарифу IV класса для рабочих, в том числе и сельскохозяйственных отходников, который использовался на всех казенных железных дорогах и на большинстве частных, однако, с большими ограничениями.

Опыт применения новых тарифов вскоре показал, что по отношению к пассажирам III класса произведенное повышение цены билетов оказалось целесообразным, а высокая стоимость билетов высших классов сократила количество пассажиров I и II классов, часть которых из I класса перешла во II, а из II — в III.

Департамент железнодорожных дел отреагировал на это оперативно, и с 1 июля 1910 г. была восстановлена прежняя пропорция цен на билеты между отдельными классами — 1:1,5:2,5.

В этом случае привлекательна не только быстрая реакция правительства, но и то, что в ее основе лежала забота о пассажирах, так как, строго говоря, суммарная выручка за перевозки увеличилась³¹. Но тарифные учреждения нашли приемлемый компромисс, понизив стоимость билетов I-II классов, устранив психологический дискомфорт.

В какой мере изменилась картина пассажирского движения за предвоенное 20-летие?

Статистика свидетельствует, что в целом жители России стали ездить намного больше. В 1894 г. при 120 млн жителей страны приходилось 42,5 млн поездок (в сумме по общему и пригородным тарифам), в 1897 г. при 126,4 млн чел. — 59,7 млн поездок, а в 1913 г. при 173 млн чел. — 212,7 млн поездок.

Люди стали ездить не только чаще, но и дальше. В 1894 г. средняя поездка для I класса составляла 223 версты, для II класса — 139 верст, для III класса — 84 версты при средней для всех классов в 105 верст. В 1913 г. этот показатель для I класса равнялся 427 верстам, для II класса — 266, для III класса — 125 и для IV класса — 129 верстам³².

Средний ежегодный прирост числа поездок взрослых пассажиров всех классов по общему и пригородному тарифу за 1894-1913 гг. составил 7731,7 тысяч. При этом на расстояние до 100 верст в среднем ежегодно совершалось на 6442,7 поездок больше, на расстояние 101-1000 верст — на 1171 тыс. и на протяжении свыше 1000 верст — на 118 тыс. больше.

Статистику пассажирских перевозок можно использовать как одну из характеристик имущественной дифференциации населения в конце XIX — начале XX века.

Средний ежегодный прирост числа поездок I класса по общему и пригородным тарифам составлял 15 тыс., II — 609 тыс., III — 5250 тыс. и IV класса — 1853 тысяч.

Стоит отметить, что богатых людей в стране было совсем не так много, как иногда думают. Показательно, что с 1901 и до конца 1900-х гг. число поездок по тарифу I класса падало по абсолютной величине, и лишь в предвоенные годы вновь увеличилось, не достигнув, впрочем, уровня 1901 года. Это заставляет критичнее оценивать утверждения о якобы огромном разрыве между богатством и бедностью в тогдашней России. В этом смысле следует отметить неуклонный рост числа поездок II класса — в 7,1 раза за 20 лет, что говорит о росте среднего класса в стране.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать следующее.

У правительства России было ясное понимание, во-первых, того, что люди должны ездить по своей стране, и, во-вторых, что они должны ездить за разумную плату. О социальной составляющей тарифной политики правительства и говорить нечего. После издания в 1893 г. специального закона о льготных перевозках, появился целый ряд льготных тарифов. В их числе:

— тариф 1894 г., по которому Российский Красный Крест стал бесплатно перевозить медицинский персонал, санитарные отряды и медикаменты, которые он отправлял для борьбы с неурожаями, эпидемиями и помощи пострадавшим;

— тариф 1895 г. для учащихся при поездках на экскурсии и в санатории;

— тариф 1896 г. для слепых и людей с заболеваниями глаз;

— тариф 1897 г. для перевозки пожарных команд и обозов;

— тариф 1898 г. для переселенцев, ходоков и их клади, по которому они получили право проезда по детскому билету III класса;

— тариф 1900 г. для летучих глазных отрядов;

— тариф 1901 г. для больных и слабосильных воспитанников учебных заведений и для детей, призреваемых благотворительными заведениями;

•) — тариф 1901 г. для лиц, укушенных бешеными животными, душевнобольных и больных проказой;

— тариф 1894 г. для съездов и выставок;

— тариф 1899 г. на перевозку строительных и других материалов для строительства или ремонта церквей;

— тариф 1901 г. на перевозку картин, принадлежавших различным русским обществам и товариществам художников, и целый ряд других³³.

Таким образом, политика правительства в сфере пассажирского движения внесла весомый вклад в развитие процесса модернизации страны. Устанавливая плату за проезд, Министерство финансов действовало прежде всего из высших государственных, а не ведомственных соображений, усиливая процесс интеграции между частями Империи, которая до строительства железных дорог выглядела целостно скорее на географической карте, чем в действительности.

Совокупность приведенных фактов не укладывается в рамки привычного тезиса о перманентном ухудшении положения населения (крестьянства, прежде всего) в пореформенное время. Вся эта информация никак не совмещается с образом страны, клонящейся к упадку, «приговоренной» к революции, обреченной на катаклизмы и т.п., а говорит ровно об обратных тенденциях.

Поскольку «негативистская» схема развития пореформенной России давно стала аксиомой, и попытки ее пересмотра воспринимаются на уровне покушений на систему Коперника, то это обстоятельство необходимо разъяснить.

Спорить с многочисленными свидетельствами кризиса уравнительно-передельной общины после 1861 г. невозможно.

Однако здесь необходимо отметить как минимум три принципиальных момента.

1. Традиционная историография, как представляется, упрощает палитру исторической жизни до черно-белой гаммы. Обычно выдвигается постулат, корректность которого не очевидна, например, «крестьянство ведет полуголодное существование», а затем приводится какой-нибудь пример или несколько примеров, которые якобы служат подтверждением верности данного тезиса для всей огромной страны.

Здесь уместно напомнить, что территория современной Франции — гиганта Западной Европы — равна территории четырех дореволюционных губерний: Саратовской, Самарской, Уфимской и Оренбургской.

При этом не только каждая губерния, но нередко и отдельные уезды были целым миром со своей историей, спецификой устройства и организации жизни. Традиционная историография об этом предпочитает умалчивать.

Всего два примера. Первый характеризует положение крестьянства Костромской губернии: «По характеру промысловой жизни губерния может быть разделена на три района по 4 уезда в каждом: 1) северо-западный, с населением, состоящим из отхожих промышленников, 2) северо-восточный, с населением, занятым лесными промыслами и 3) южный, с фабрично-заводским населением. Наиболее удаленным от своего хозяйства является население первого района, уходящее на все летние месяцы на заработки в столицы и оставляющее хозяйство на попечение женской половины семьи; следующим идет лесной район, где население всю зиму с половины ноября по март месяц проводит в лесу, а в ближайших к рекам селениях уходит с плотами и беляками даже до половины мая, и только в третьем районе население, занятое работою на фабриках и заводах, ведет более или менее оседлую жизнь, и, хотя урывками, но может уделять часть своего времени на ведение земледельческого хозяйства»³⁴.

Второй затрагивает крестьян Васильковского уезда Киевской губернии: «Земледелие составляет почти исключительное занятие крестьянского населения. Южная половина уезда относится к району культуры сахарной свекловицы. Там сосредоточены 6 свеклосахарно-песочных заводов, дающих свободному местному крестьянскому населению хорошие заработки. В северной части уезда подспорьем в хозяйстве служат главным образом, заработки на разработке и возке леса в казенных дачах, заработки и службы на железной дороге, прорезывающей уезд с севера на юг с разветвлением в местечке Фастове. Кроме того, развиваются отхожие промыслы. В настоящем году за 9 месяцев волостными правлениями выдано 9500 паспортов крестьянам, отправившимся на разные заработки вне пределов уезда. Кустарная промышленность, если не считать гончарного производства в 2-х селениях и ткацкого в одном, отсутствует в уезде... В уезде кроме уездного города с 19-тысячным населением находятся еще 4 торговые местечка, из которых три — Фастов, Белая Церковь и Ракитно расположены по железной дороге... Местечко Белая Церковь имеет жителей свыше 50 тыс., местечко Фастов более 10 тысяч. Ввиду удобного расположения железной дороги и торговых пунктов возможность сбыта сельскохозяйственных продуктов вполне удовлетворительна»³⁵.

Не понятно, как можно вывести среднее взвешенное суждение о благосостоянии сотен тысяч, семей, проживавших на этих территориях, какой источник может решить эту задачу.

Социально-экономические процессы такого масштаба, о котором мы рассуждаем, в истории фиксируются на уровне статистической тенденции — больше или меньше. Поэтому и важны интегрированные показатели.

Не требует специальных доказательств мысль о том, как важны для потомков мнения современников. Статистика не расскажет о том, как воздействовали на окружающих своим магнетизмом Петр I или Наполеон, это может сделать только очевидец. Однако очевидцы могут иметь совсем разные мнения относительно того, улучшилось или ухудшилось материальное положение крестьян.

Средние цифры для России весьма напоминают грузовик, полученный из суммы паровоза и велосипеда, деленной пополам. В этом смысле показателен такой пример. В 1917 г. 52% крестьянских хозяйств не имели плугов, «обрабатывая землю сохами и косулями и т.п.»³⁶. Этот факт, безусловно, в известной степени показателен. Действительно, если определять уровень развития, например, плужной обработки земли, исходя из того, что в Архангельской губернии, согласно Переписи сельхозмашин и орудий 1910 г., на 100 орудий подъема почвы приходилось 0,2 железного плуга, а в Ставропольской — 99,4, то средняя величина и составит примерно 50%. Однако этим в принципе игнорируется то обстоятельство, что в Архангельской губернии на каждые 500 сох, рал, косуль приходился всего 1 железный плуг, а в Ставропольской губернии их было в 497 раз больше.

Россия слишком большая страна, чтобы ее можно было описываться средними показателями.

Между тем народники для удобства пропаганды изобрели фикцию под названием «русский крестьянин». Одна из главных характеристик этой фикции — преслову-

тые душевые показатели потребления хлеба, которые получаются в результате деления заниженного урожая на число жителей, которые затем сопоставляются с аналогичными показателями стран Запада, из чего следует, что Россия была страной дистрофиков, к тому же полуодетых дистрофиков, если привлекать сведения о душевом потреблении хлопчатобумажных тканей.

Пока мы не знаем в деталях, как собирались аналогичные сведения о подушевом потреблении чего угодно в Англии, Германии, Франции или Австро-Венгрии и др., какая методика лежала там в основе статистических обследований, подобные сравнения нельзя считать корректными.

О том же говорит и разнообразие мнений о нормах потребления (а также о размерах минимального прожиточного надела), содержащихся, например, в работе В.Г. Тюкавкина. В частности, он приводит данные А.А. Кауфмана «о реальном личном потреблении хлеба на питание в начале XX в., которое составляло: в США — 7,2 пуда, в Англии — 9,4; во Франции — 12,3; в Германии — 14,2 и в России — 12 пудов на человека в год»³⁷.

Нормы эти, по крайней мере для России, достаточно реальны, если исходить из того, что согласно Временным правилам 1900 г., вступившим в силу 1 января 1901 г., размер продовольственной ссуды не должен был превышать 1 пуда зерна в месяц на взрослого человека и полпуда — на детей в возрасте до 5 лет³⁸.

Тут есть нюанс. Сравнение душевых показателей потребления хлеба не такой уж бесспорный критерий, как кажется на первый взгляд, еще и потому, что исходит из тезиса об идентичности структуры питания жителей разных стран, а это неверно. В.Г. Тюкавкин, сообщая цифры Кауфмана, тонко замечает: «Невольно вспоминаются записки одного из крупных немецких разведчиков кануна первой мировой войны о том, что самым тяжелым бременем в его работе в Англии было ограничение в потреблении хлеба, чтобы не выделяться из окружающей среды»³⁹. При этом общемировая тенденция была такой — по мере роста благосостояния населения происходило постепенное вытеснение муки овощами, мясом и молочными продуктами. Процесс это длительный, и хотя в России он уже начался, но в разных регионах шел по-разному.

Еще один популярный пример того же рода. Несмотря на то, что Россия имела вторую по протяженности длину железных дорог в мире, на единицу пространства в Европейской России рельсовых путей было в 11 раз меньше, чем в Германии и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии⁴⁰. Однако нельзя при этом не заметить, что площадь Германии составляла 10,4%, а Австро-Венгрии — 13,2% площади Европейской России, то есть первая по размерам территории уступала последней в 9,6 раз, а вторая — в 7,6 раз. С учетом этого обстоятельства отставание России в протяженности рельсовой сети на единицу площади не выглядит уж таким безнадежным.

В 1913 г. в губерниях Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской (примерно треть территории Европейской России) на площади, в полтора раза (1,52) превышавшей суммарную площадь Германии и Австро-Венгрии, проживало порядка 11 млн чел., то есть примерно в 10-11 раз меньше, чем в указанных странах вместе взятых. Нужна ли была на русском Севере такая же разветвленная железнодорожная сеть? Иными словами, граница сравнений — здравый смысл, а бездумные сопоставления правды не открывают, а восприятие портят.

Однако после 1861 г. для оппозиции перманентные сопоставления такого рода превратились в еще один весомый аргумент в пользу несостоятельности правительства.

2. Оценивая комплекс негативных фактов о положении народа, следует иметь в виду, что в рассматриваемый период изображение народных несчастий было верным способом, если и не сделать себе имя и карьеру, как это произошло, например, с А.И. Шингаревым, то приобрести хотя бы какую-нибудь известность среди «народолюбивой интеллигенции». Пессимизм лавинообразно нарастал по мере роста числа газет и журналов, где противники правительства в принципе не имели конкуренции и соревновались только друг с другом в драматизме описания народных бедствий.

Специалист, пытавшийся взглянуть на жизнь деревни объективно, рисковал, как минимум, репутацией и аудиторией. Исчерпывающе высказался на этот счет В.И. Гурко, рассуждая о тех, кто поддерживал партию кадетов: "За предшествующие сорок лет русская интеллигентная мысль достигла одного весьма реального резуль-

тата. Она сумела внушить общественности, что всякая защита существующего строя совершенно недопустима. Монархия и беспросветная реакция были ею до такой степени отождествлены и соединены знаком равенства, что в глазах передовой общественности они слились воедино.

При таких условиях надо было обладать исключительным гражданским мужеством, чтобы открыто исповедовать сколько-нибудь правые убеждения. Не следует, кроме того, забывать, что в то время, как либерализм, так и фрондерство редко препятствовали продвижению на государственной службе, наоборот, консерватизм встречал непреодолимые препятствия на пути общественной деятельности, а также в области свободных профессий.

Писатели, журналисты, адвокаты, художники, коль скоро они обнаруживали в той или иной форме свою оппозиционность правительству, всячески превозносились...

Таким образом, материальные интересы работников свободных профессий также побуждали их шеголять либерализмом и фрондерством по адресу правительства, а следовательно, вступить в среду кадетов.

А наши ученые коллеги, разве они не расценивали подчас степень пригодности данного лица для занятия профессорской кафедры в зависимости от исповедуемых им политических взглядов, хотя бы таковые не имели никакого отношения к той науке, представителем которой эти лица являлись?

Разве Московский университет не забаллотировал совершенно выдающегося окулиста Головина, имевшего мужество высказать правые мысли, предоставив искомую им кафедру какому-то в научном отношении ничтожеству, шеголявшему политической левизной?

Разве Кони и Таганцев не были прославляемы не столько как блестящие криминалисты, сколько как высказывающие либеральные мысли, а профессор Сергиевский, столь же выдающийся криминалист, разве он не был предметом травли за проявляемый им консерватизм?

Наконец, разве не всем было известно, что в диссертации на ученую степень немислимо было проводить сколько-нибудь политически консервативные взгляды и что для успеха необходимо было снабдить ее какой-либо критикой существующего строя, хотя бы указанием во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комариного жала?

Во всем этом, разумеется, была во многом виновата и государственная власть»⁴¹.

Достоверность дореволюционных описаний жизни страны требует серьезной проверки. Не зря выдающийся отечественный экономист Н.П. Макаров прямо говорил о предвзятости и необъективности тогдашних исследований крестьянской жизни, от которых требовалось «установление обнищания, разложения деревни», чем и занималась земская статистика, дававшая материал для обобщений.

Земскую статистику постоянно уличал в некорректности и подтасовках не только П.П. Дюшен, но и В.И. Ленин. Примечательно мнение А.А. Кауфмана, который, обсуждая в своем учебнике проблему предвзятости исследователя в статистике, пишет: «Предвзятость может проявиться и в тех инструкциях, которые содержат разъяснения по вопросам программы или указания относительно приемов исчисления, равно как и при словесном инструктировании и практическом обучении регистрирующего персонала. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить программы земских статистических исследований, во главе которых стояли представители народнического или, наоборот, — марксистского течения, или те статистические сборники, в которых воплотились результаты этих исследований.

По свидетельству одного из виднейших представителей первого из названных течений, Н.Н. Черненкова, влияние на земскую статистику народнических представлений об упадке крестьянского хозяйства, как об одностороннем процессе разорения и "отслоения" значительной части хозяйств, идущего на пользу только "кулакам", сказалось, между прочим, в том чрезвычайном внимании, с которым ею изучались и регистрировались именно "упадочные" хозяйства разных категорий... Полная группировка хозяйств по их размерам и типам обращала на себя уже меньшее внимание, а еще меньшее внимание уделялось высшим группам хозяйств, которые в печатных

изданиях нередко показывались слишком огульно (например, даже "с 2 и более лошадами") и более детальному изучению почти не подвергались; в частности, применение наемного труда в крестьянском хозяйстве, имеющее особенную важность для тех же высших групп, оставалось как бы в тени. Наоборот, марксистские представления об эволюции крестьянского хозяйства как о двустороннем процессе расслоения, а вместе с тем — о растущем и долженствующем расти с течением времени значении индустрии, побуждали земских статистиков-марксистов обращать особое, с одной стороны, внимание на промысловые заработки крестьян, в особенности же на участие их в крупной промышленности и в жизни больших городов, а с другой — на все симптомы совершающейся внутри самой деревни капиталистической дифференциации»⁴².

М.И. Туган-Барановский не раз демонстрировал, что с точки зрения методической и методологической опусы таких «корифеев» народнической мысли, как Воронцов, Каблуков и Даниэльсон не выдерживают ни малейшей критики⁴³. Однако на «передовое» общественное мнение это не производило ровно никакого впечатления, поскольку оно слышало только то, что хотело слышать.

З. И.Н. Данилевский вводную главу своей работы «Киевская Русь глазами современников и потомков (IX-XI вв.)» назвал так: «Всегда ли мы понимаем летописца?» Что говорить о летописце, если и в наши дни есть люди, почему-то считающие себя историками, которые делают вид, будто не понимают, что со времени наших прадедушек и прабабушек многие слова изменили семантику, обрели иной смысл. Если постоянно не иметь этого в виду, то об объективном изучении истории можно забыть.

Характерный пример. В 1909 г. в очередной раз распалось картельное соглашение рафинеров, то есть производителей рафинада, которые не смогли договориться о квотах производства. После этого каждый заводчик произвел рафинада столько, сколько мог и хотел. За 1909-1910 операционный год, когда не было нормировки, выработка рафинада выросла на 17% в сравнении с 1908-1909 гг., а потребление — на 10%. Цены на рафинад резко снизились. В то же время в стране стала ощущаться нехватка сахарного песка, во-первых, из-за неурожая свекловицы, а, во-вторых, потому, что рафинеры внепланово изъяли с рынка более 7 млн пудов песка.

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в ряде городов «нельзя было найти какого-нибудь вагона песка», а с другой, — рынок был буквально завален рафинадом, который дешевел с каждым днем. В еженедельном «Вестнике сахарной промышленности» (№30) появилась такая телеграмма из Варшавы от 22 июля 1910 г.: «На истекшей неделе на нашем рынке замечался давно не бывалый факт при продаже сахара для местного потребления. Здешние потребители, видя, что песок крупного и среднего кристалла сравнялся в цене с кусковым сахаром, стали покупать разные дешевые сорта последнего и толочь таковой на песок (для варки варенья — М.Д.)... Тенденция с кусковым сахаром несколько лучше по вышеуказанной причине, и спрос довольно хорош».

И вот эта ситуация в тогдашней прессе совершенно серьезно именовалась «сахарным голодом».

Я не хотел бы сопоставлять этот слегка водевильный эпизод с трагедией 1891 — 1892 годов. Однако он заставляет задуматься о многом. Любой, кто внимательно читал прессу рассматриваемого периода, знает, что если цена пуда железа выростала, положим, на 0,2 коп./пуд, то в стране немедленно начинался «металлический» голод.

Некоторое представление о том, насколько легко и безответственно (с нашей точки зрения) употреблялся этот термин, дают следующие факты.

Например, в популярнейшей газете «Русское слово» за 1912 г. в № 80 говорится о «мануфактурном кризисе», в № 90 — о «чугунном голоде» и «лесном кризисе», в № 126 — о «чугунном голоде», в № 172 — о «нефтяном голоде», в № 238 — о «мясном кризисе», в № 239 — о «дровяном голоде», в № 248 — об «угольном голоде», в № 250 — опять о «нефтяном голоде», в № 259 — о том, что «стране грозит мясной голод, а мы снабжаем Германию Дешевым мясом», в №№ 260 и 287 — вновь об «угольном голоде». В № 265 рассуждали о «борьбе с дороговизной», то есть о «необычайном зрелище, когда крестьяне жалуются на низкие цены сельскохозяйственных продуктов, а горожане этих цен не видят». И это далеко не все. О наличии в газете постоян-

ной рубрики «На голоде», в которой описывалась ликвидация правительством последствий неурожая 1911 г. в негативном, естественно, ключе, я и не упоминаю.

При этом напомню, что речь идет не о временах военного коммунизма, а о предпоследнем годе экономического подъема 1909-1913 годов.

То есть, это слово характеризовало не только ситуацию недорода хлебов, оно было дежурным обозначением малейшего нарушения ценового статус-кво в сторону удорожания.

Наши современные представления об этих феноменах вытекают из исторического опыта советской эпохи, а он был принципиально иным и неизмеримо более трагичным.

Этот опыт включает миллионы голодных смертей во время гражданской войны, голод 1921 г., унесший свыше 5 млн жизней, 7-8 млн жертв голода 1932-1933 гг., голод блокадного Ленинграда, миллион умерших в голодные 1946-1947 годы. О многих и долгих годах полуголодного существования наших ближайших родственников и говорить не приходится.

— Всегда нужно иметь представление о мере вещей, а в истории особенно.

Таким образом, «пессимистические» факты не столь однозначны, как того хотелось бы традиционной историографии, и к тому же они вырваны из контекста эпохи. Но даже и с учетом вышесказанного, оспаривать их невозможно.

В рамках привычного черно-белого подхода противоречия между «позитивным» и «негативным» массивами данных примирить невозможно — тут может быть правильно либо одно, либо другое. Однако на деле верны оба комплекса свидетельств, просто жизнь была несравненно богаче, чем ее описывали пристрастные и/или политически ангажированные современники.

Указанные противоречия оказываются большей частью мнимыми, стоит только понять, что нельзя смешивать проблему положения крестьянского хозяйства в пореформенной уравнильно-передельной общине с проблемой народного благосостояния.

Проблемы эти, разумеется, отчасти перекрывают друг друга, но лишь отчасти, поскольку далеко не идентичны. Например, крестьянин мог мало обращать внимания на свое хозяйство, но при этом неплохо зарабатывать.

Данное обстоятельство представляется настолько очевидным и даже банальным, что, казалось бы, нет смысла говорить о нем специально. Между тем, как это ни странно на первый взгляд, в историографии подобная дифференциация отчетливо не проводится, это смешение де-факто происходит сплошь и рядом, да мы часто и не задумываемся о возможности такого взгляда на жизнь деревни.

Сам по себе отход крестьянина от своего надела на заработки — сюжет совершенно обыденный для всех стран в эпоху модернизации (и не только) — традиционной историографией воспринимается как нечто аномальное, как драматическое доказательство его тяжелого материального положения.

Динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, в статистике перевозок народнохозяйственных и потребительских грузов, внешней торговли, акцизных поступлений, движения вкладов в сберегательных кассах, динамике роста зарплаты рабочих, статистике развития кооперации и т.д. Особо следовало бы выделить новейшее исследование Б.Н. Мироновым данных антропометрии⁴⁴. Разумеется, огромное значение имеют и нарративные источники. Взятые в комплексе, они неоспоримо говорят о позитивной динамике потребления населения Российской империи.

Экономическая модернизация, индустриализация и урбанизация проходили не в вакууме, население страны получало деньги за то, что участвовало в строительстве железных дорог, фабрично-заводских предприятий, в городском строительстве, а также за работу в сфере разнообразных услуг, за работу на стремительно прогрессирувавшем транспорте (рельсовом, речном, морском), за производство товаров, как сельскохозяйственных, так и промышленных, одновременно оно покупало эти товары.

Крайне важно подчеркнуть, что старый тезис о том, что модернизация проводилась за счет крестьян, современной историографией отвергается⁴⁵.

Поэтому на вопрос — может ли обеднение немалой, хотя отнюдь не преобладающей, части крестьянских хозяйств происходить на фоне индустриализации и фик-

сируемого массовыми источниками роста благосостояния населения в целом, пусть и относительно небольшого, но вполне очевидного, следует ответ — может.

Следует перестать считать, что это благосостояние определяется только тем, что крестьяне получают от своей земли, воображая себе пореформенное российское крестьянство как бы «коллективным Робинзоном» (исходя из уровня агротехники — века примерно XVII), который не может уйти со своего "острова"-надела, то есть живущим в отрыве от происходивших в стране громадных перемен.

Между тем буквально со школьной скамьи мы приучены к ровно противоположному взгляду, поскольку невольно являемся заложниками до сих пор неизжитой в общественном сознании натурально-хозяйственной концепции развития народного хозяйства — едва ли не главного источника, во-первых, народнической трактовки аграрного вопроса, а, во-вторых, — указанных противоречий.

Согласно этой теории крестьяне должны жить только от дохода со своего надела, площадь которого «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следует, что площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность населения деревни. А поскольку этого не происходило, то именно из Натурально-хозяйственной концепции вытекало массовое убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье⁴⁶.

Одно из лучших определений сути понятия «натурально-хозяйственная концепция» принадлежит, на мой взгляд, К.Ф. Головину, хотя он и не употреблял этого термина. Он пишет, что в основе мер, предлагаемых народниками, лежат «две главные идеи: быт земледельческого населения следует устроить так, чтобы оно могло обходиться без постороннего заработка, и народное сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома. Нужды нет, что при этих условиях Россия не только никогда не достигнет крупного промышленного развития, но что и земледелие останется у русского народа на довольно низком уровне; и к тому же, по мере расширения обрабатываемой площади, продукты ее будут постепенно дешеветь. Цель производства не барыш, за которым гонится только капиталистический эгоизм, а лишь обеспечение народа от нужды.

Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных денег, — лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад, — об остальном заботиться незачем. И если нам приходится выбирать между экономическим прогрессом и свободой народа от растлевающего влияния капитализма и наемного труда, мы лучше откажемся от мишурных успехов, купленных дорогой ценою народного порабощения»⁴⁷.

Кстати говоря, изобретенный народниками тезис о «голодном экспорте» есть не что иное, как распространение натурально-хозяйственной концепции на масштабы России.

Совершенно понятно, что в рамках натурально-хозяйственной концепции, изолирующей крестьянское хозяйство от процесса модернизации Империи, внеадельные заработки крестьян и приобщение их к рынку выступают не как проявление естественного стремления людей соответствовать требованиям жизни, в частности, увеличить свой бюджет, а как доказательство ненормальности крестьянской жизни, ее упадка и т.д.

Россия преображалась буквально на глазах, вокруг кипела и бурлила новая жизнь, однако ракурс видения этой жизни и оценки ее оппозицией оставался неизменным: малоземелье, недоимки, голодный экспорт, нищета, задавленность и т.д.

Кризис уравнильно-передельной общины, разумеется, имел место, потому и неоспоримы свидетельства упадка множества крестьянских хозяйств, хотя бы и очищенные от семантической «инфляции».

Однако суть проблемы состоит не в том, чтобы каждый «позитивный» факт опровергать фактом «негативным»: подобный способ ведения полемики ведет в тупик. Куда важнее ясно отдавать себе отчет в причинах обеднения части крестьянства, живущего в той самой общине, которая якобы должна была спасти Россию от «язвы пролетариата».

Гораздо интереснее ответить на вопросы о том, почему в стране с элитным черноземом собирались весьма низкие урожаи, почему в Германии, например, свы-

ше 50% крестьян имели наделы менее 5 га и преуспевали, а в России средний надел составлял свыше 10 десятин (11 га) и крестьяне жили несравненно хуже и почему даже в период неурожая сборы на землях немцев-колонистов и соседей-помещиков были намного выше, чем у крестьян-общинников.

С.Ю. Витте, А.Е. Воскресенский, А.С. Ермолов, К.Ф. Головин, В.И. Гурко, П.П. Дюшен, А.П. Никольский, П.А. Столыпин, Б.Н. Чичерин и другие, которых можно условно назвать реалистами или представителями «партии здравого смысла», в один голос говорили, что главной причиной упадка большей части крестьянских хозяйств являлось общинное землепользование. Об этом же писал крестьянский писатель-самородок С.Т. Семёнов, об этом же говорили крестьяне — депутаты III Думы, так же думали миллионы их собратьев, принявших реформу Столыпина⁴⁸.

Чичерин, писал, в частности, в своих воспоминаниях: «Социал-демократы вопят о малости надела, придумывают благодетельные банки, на которые возлагается противная всякому финансовому расчету обязанность давать капитал неимущим, но закрывают глаза на истинные причины бедствия, и главное, считают неприкосновенною святынею то коренное зло, которое влечет за собою общее обеднение, — общинное землевладение.

Пока крестьянин не привык думать, что он сам должен устраивать свою судьбу и судьбу своих детей, никаких путных экономических привычек у него не может образоваться. Крепким сельским сословием, способным служить источником обогащения для себя и для страны, может быть только сословие личных собственников или арендаторов-капиталистов, а никак не общинных владельцев»⁴⁹.

Статистические материалы, вводимые в научный оборот в настоящей статье, наглядно демонстрируют успешное развитие модернизации Витте-Столыпина.

К сожалению, как и сто лет назад, сторонники этой точки зрения остаются в меньшинстве. Разумеется, крестьянин, привязанный к своему наделу, — мечта народников, но это еще не причина, чтобы изучать процесс модернизации России именно в этом ракурсе и продолжать разрабатывать сформированный ими образ нищей, заданной, «несчастненькой» России. Этот образ до сих пор довлеет над нами и, продолжая искажать восприятие миллионов наших соотечественников, не дает им возможности адекватно воспринимать историю своей страны.

Мириться с этим нельзя, во-первых, потому, что он не соответствует действительности, а, во-вторых, потому, что настоящее, которое вытекает из такого прошлого, не может иметь будущего.

Примечания

1. БРОДЕЛЬ Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.2. Игры обмена. М. 1988, с. 345-346.
2. ДРОБИЖЕВ В.З., КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., МУРАВЬЁВ А.В. Историческая география СССР. М. 1973, с. 257.
3. При этом характерно, что прирост вывоза ячменя превышает прирост железнодорожных перевозок. Дело в том, что, большие объемы хлеба, предназначенного на экспорт, поступали в порты Черного и Азовского морей по Дону, Днепру, Южному Бугу, минуя железные дороги, а также гужевым путем.
4. Коэффициент корреляции между сборами ржи и ее перевозкой по железной дороге (0,16), возможно, несколько занижен потому, что рожь часто перевозилась в бассейне Волги, не попадая на рельсовые пути; это же относится и к овсу (0,48).
5. ПЕТРОВ Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. — Экономическая история. Ежегодник. 2002. М. 2003; ШАЦИЛЛО М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. — Там же; МИРОНОВ Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М. 2010, с. 324-325.
6. Россия. Энциклопедический словарь. Л. 1991, с. 201.
7. Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб. 1901, с. 102-113, 117. Подсчеты автора.
8. ЕРМОЛОВ А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Т. 2. СПб. 1909, с. 7-28.
9. Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб. 1912, с. 102-103.

10. П.Д. (ДЮШЕН П.П.) Русский социализм и общинное землевладение. М. 1899, с. 91-100.
11. При анализе данных по Московской губернии я, ввиду специфики, исключил Московский уезд с окладом в 2 млн рублей.
12. Там же, с. 218-219.
13. БРЖЕСКИЙ Н. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб. 1897, с. I-II.
14. Там же, с. 398.
15. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России. СПб. 2003, с. 169-170.
16. ЕРМОЛОВА.С. УК. соч., т. 1, с. 134-136.
17. Там же, с. 142-143.
18. Там же, с. 142-174.
19. Там же, с. 176-177.
20. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб. 2003, с. 538.
21. ЕРМОЛОВА.С. УК. соч., т. 1, с. 267-268.
22. МИРОНОВ Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России, с. 598.
23. ЧИЧЕРИН Б.Н. Курс государственной науки. Т. III. М. 1898, с. 246.
24. Министерство финансов. 1802-1902. Т. 2. СПб, с. 646-647.
25. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб. 2003, с. 225.
26. ПЕТРОВ Ю.А. УК. соч., с. 386-387.
27. По вопросу об изменении действующего пассажирского тарифа. СПб. 1907, с. 5.
28. Там же, с. 7-8.
29. Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 г. Вып. 52. СПб, с. 4.
30. Министерство финансов. 1802-1902. СПб. 1902, ч. 2, с. 571.
31. Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 г., с. 3.
32. Там же, с. 3, 7.
33. Там же, с. 576.
34. Землеустройство в Костромской губернии. 1907-1912 гг. Издание Костромской губернской землеустроительной комиссии, с.5.
35. Центральный государственный исторический архив Украины, ф. 442, оп. 709, д. 482., ч. 2, л. 60.
36. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М. 1968, с. 299.
37. ТЮКАВКИН. В.Г.. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа М. 2001, с.65-70.
38. ЕРМОЛОВ А.С. УК. соч., т. 1, с. 225.
39. ТЮКАВКИН В.Г. УК. соч., с. 67.
40. История СССР с древнейших времен, с. 576.
41. ГУРКО В.И. Черты и силуэты прошлого. М. 2000, с. 495-496.
42. КАУФМАН А.А. Теория и методы статистики. М. 1916, с. 277. Сказанное не значит, разумеется, что 100% показаний земской статистики неверны буквально. Но доминировали минорные тональности.
43. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М.И.. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М. 1937, с. 295—296, 436.
44. МИРОНОВ Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России.
45. См., в частности: КОРЕЛИН А.П. Ключевые проблемы социально-экономической истории пореформенной России. Индустриальное наследие. Сборник материалов международной конференции. Саранск. 2005, с. 66.
46. БРУЦКУС Б.Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг. 1917, с. 6-7.
47. ГОЛОВИН К.Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика? СПб. 1895, с. 34-36.
48. СЕМЁНОВ С.Т. Крестьянское переустройство. М. 1915, с. 74-86; ГЕРЬЕ В.И. Второе раскрепощение. М. 1911, с. 15-30.
49. ЧИЧЕРИН Б.Н. Воспоминания. Т.П. М. 2010, с. 235-237.